Годъ **КІЕВСКІЯ** XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1899 года. № 18. 16 Сентября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня [1])

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.

Долгимъ и груднымъ путемъ смиренія вошелъ въ славу Свою Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Несравненно еще долѣе продолжалось уничиженіе животворящаго древа, на коемъ Онъ, Агнецъ Божій, принесъ себя въ жертву за грѣхи міра. Но Господь не оставилъ людей въ невѣдѣніи объ орудіи Своего спасенія: Онъ промышлялъ о славѣ креста и тогда, когда все, повидимому, указывало на забвеніе послѣдняго. По свидѣтельству церковнаго преданія, вскорѣ за погребеніемъ Христа Спасителя, крестъ сокрытъ былъ іудеями, и самое мѣсто, коему ввѣрена была эта святыня, утаено отъ христіанъ.

[1]) Произнесено въ Кіево-Софійскомъ соборѣ свящ. Мих. Едлинскимъ.

Язычники, смѣнившіе іудеевъ въ ненависти ко Христу и Его послѣдователямъ, явились, по устроенію Божія промысла, невольными хранителями Честнаго Древа въ первые три вѣка христіанства. Дабы ослабить въ первенствующихъ христіанахъ уваженіе къ свв. мѣстамъ, они воздвигли идоловъ на Голгоѳѣ и надъ скалою гроба, вблизи коей скрывалось Животворящее Древо. Идолы эти съ ихъ храмами въ свое время явились вѣрными указателями на тайное мѣсто, въ коемъ хранилось безцѣнное сокровище. Въ началѣ 4-го вѣка, подъ развалинами одного изъ такихъ храмовъ, посвященнаго языческой богинѣ Венерѣ, и былъ, дѣйствительно, обрѣтенъ честный Крестъ Господень благовѣрной и равноапостольной царицей Еленой, матерію Константина Великаго. Тогда же воочію возсіяла и слава достопокланяемаго древа. Силою его получила исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни одна благочестивая жена и возвращенъ къ жизни мертвецъ. Въ благодарномъ чувствѣ Господу, прославившему орудіе нашего спасенія, св. Церковь тогда же установила праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня.

Усугубляя торжество нынѣшняго праздника постомъ, она съ особенною силою приглашаетъ вѣрныхъ чадъ своихъ поклониться честному Кресту Господа и прославить св. воскресеніе Его. Послѣдуемъ же этому спасительному зову св. матери нашей—Церкви. Припадемъ ко Кресту Христову и поразмыслимъ въ сей часъ, о чемъ вѣщаетъ намъ предлежащій Крестъ Господень?...

Крестъ Христовъ вѣщаетъ намъ, бр., прежде всего о томъ, что наши грѣхи—величайшее зло въ мірѣ, что они то и были причиной крестной смерти нашего Господа и Спасителя.

Въ самомъ дѣлѣ, что другое, какъ не наши грѣхи во Адамѣ и его потомкахъ возвели на крестъ нашего Спасителя? Взирая на крестъ, можемъ ли мы не видѣть всей тяжести грѣха прародительскаго и унаслѣдованнаго нами? Чтобы снять съ

насъ эту тяжесть, загладить вину, нужо было, по требованію небеснаго правосудія, пострадать и быть распяту на крестѣ Единородному Сыну Божію. Мы *врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его*, говоритъ намъ св. ап. Павелъ (Римл, 5, 10).

Крестъ Христовъ вѣщаетъ намъ, братіе, далѣе о безконечной любви къ грѣшному роду человѣческому Отца небеснаго, Который не пощадилъ даже Единороднаго Сына Своего, но за насъ всѣхъ предалъ Его. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего далъ есть намъ, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Ев. Іоан. 3, 16). Смотря на крестъ съ изображеніемъ распятаго на немъ Господа, мы не можемъ не преклониться въ безмолвіи и съ глубокимъ благоговѣніемъ предъ безконечною любовью Божіею къ грѣшникамъ. Вмѣстѣ съ симъ насъ должно поражать и крайне трогать поистинѣ изумительное самоотверженіе ради насъ Сына Божія, *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ... смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.* (Филип. 2, 6—8). Чего только не потерпѣлъ ради насъ премилосердный Господь нашъ Іисусъ Христосъ?—«Боюсь говорить и коснуться языкомъ страшнаго сказанія о страданіяхъ Спасителя, восклицаетъ св. Ефремъ Сиринъ;—печаль и слезы сжимаютъ сердце, когда представляю себѣ, что Владыка терпитъ отъ рабовъ оскорбленія и укоризны, бичеванія, заплеванія и заушеніе.» Подлинно велико, безмѣрно велико самопожертвованіе, велики и безмѣрно тяжки были страданія, которыя безвинно претерпѣлъ за насъ Господь Спаситель нашъ. Тотъ же предлежащій крестъ Христовъ вѣщаетъ намъ, бр., что сколь велики были страданія Іисуса Христа, столь же важны и спасительны заслуги Его для насъ грѣшныхъ. Страданіями Сына Божія очистились наши грѣхи, потребилась клятва, отверзтъ входъ въ рай, уготовано блаженство вѣчное...

Какъ же, послѣ этого, намъ, бр., не прославлять честный Крестъ Господень, не хвалиться имъ и не говорить вмѣстѣ съ ап. Павломъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа.* (Гал. 6, 14). Прославляя общаго намъ Господа за все другое, не особенно ли мы должны прославлять Его, восторженно восхвалять за крестъ, за эту безславную смерть? Поистинѣ Крестъ Христовъ есть открытая книга *Премудрости Божественной* (*мудрости книга*, какъ выражается св. Церковь въ одномъ изъ стиховъ канона), *въ тайнѣ сокровенной, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7). Размышляя о семъ со страхомъ и трепетомъ, возблагодаримъ Господа за Его безмѣрную благость. Будемъ непрестанно памятовать о крестѣ и воздавать ему подобающее поклоненіе. Святой апостолъ Павелъ писалъ коринѳянамъ о себѣ: „я разсудилъ быть у васъ не знающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго“ (1 Коринѳ 2, 2). Подобно ему, многіе изъ угодившихъ Богу праведниковъ такъ и поступали. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ тому. Въ пустынѣ Іорданской спасался одинъ старецъ, авва Стефанъ. Онъ только и думалъ о распятомъ Христѣ. Однажды пришли къ нему три старца для духовной бесѣды. Св. подвижникъ долго безмолвствовалъ и, наконецъ, на всѣ ихъ вопросы сказалъ слѣдующее. „Простите мнѣ, братія: я доселѣ и не слыхалъ, о чемъ вы говорили. Однакожъ, что имѣю, скажу вамъ: днемъ и ночью я ничего не созерцаю умомъ моимъ, кромѣ *Господа нашего Іисуса Христа, на крестѣ висяща*“ (Отечникъ). О, если бы и намъ, бр., подобно ап. Павлу и св. угодникамъ Божіимъ, имѣть непрестанное памятованіе о Господѣ нашемъ, распятомъ на крестѣ! Тогда меньше оставалось бы мѣста для нашихъ грѣховныхъ мыслей и пожеланій... Но памятуя безпрестанно о Крестѣ Христовомъ и его безпримѣрной славѣ, будемъ стремиться самымъ дѣломъ къ

тѣсному общенію съ Распятымъ на немъ. Ради Пригвожденнаго пречистою Плотію на древѣ, дадимъ обѣтъ и мы распять плоть свою съ ея страстьми и похотьми. Сила Креста Христова да поможетъ намъ въ этомъ благомъ намѣреніи. „Если ты замѣтишь, говоритъ великій учитель Церкви св. Іоаннъ Златоустъ, что собственное сердце твое не спокойно, волнуется или возгоряется страстію, огради грудь твою крестнымъ знаменіемъ, вспомни что-либо изъ случившагося на крестѣ, и симъ воспоминаніемъ ты отженешь всякое возмущеніе духа, какъ прахъ... Обидѣлъ ли кто тебя, огради грудь свою тѣмъ же крестнымъ знаменіемъ, вспомни, что происходило на крестѣ, и душевное волненіе твое погаснетъ". (Бесѣд. на Ев. Мѳ. 87).

Взирая на крестъ Христовъ, будемъ, бр., терпѣливо нести назначенный каждому изъ насъ крестъ собственной жизни. Тяжело станетъ христіанину-крестоносцу, пусть взглянетъ на небо со слезою молитвы, пусть скажетъ со вздохомъ сердечнымъ: Господи, спаси меня, погибаю! Сила крестная, поддержи меня!.. И эта сила небесная, скажите, какую не преодолѣетъ тяжесть земную?... Какую не облегчитъ тугу сердечную?...—Такъ для всякой скорби нашей утѣшеніе прочное, утѣшеніе сладкое—въ крестѣ Христовомъ.

Воззри же, христіанинъ, на крестъ Христовъ съ вѣрою и любовью! Припади къ подножію его съ плачемъ и слезами о грѣхахъ своихъ! Возможно чаще ограждай себя этимъ знаменемъ нашего спасенія! „Когда ты знаменуешься крестомъ, на челѣ твоемъ свѣтится живое упованіе. Не просто перстомъ изображай его, но сему изображенію пусть предходитъ и твое сердечное расположеніе и вѣра. Когда ты такъ изобразишь крестъ на себѣ, то повѣрь, никакой злой демонъ не возможетъ приблизиться къ тебѣ, видя на тебѣ тотъ мечъ, которымъ онъ уязвенъ, то оружіе, остріемъ котораго онъ получилъ смертельную рану. Итакъ, не стыдись никто столь великаго блага, да не постыдится и тебя Христосъ, когда

пріидетъ во славѣ Своей и когда знамя креста возсіяетъ предъ Нимъ свѣтлѣе самыхъ лучей солнца". (Бесѣд. св. Іоанна Злат. на Ев. Мѳ. 54).

„О кресте всесвятый и христоносный, сохрани насъ державою твоею"! Аминь.

Гдѣ и какъ воспитываются истинные пастыри? [1])

Сынъ священнослужителя научается въ родительскомъ домѣ вѣрить и молиться не посредствомъ сухихъ уроковъ, но чрезъ живой примѣръ отца и матери. Благочестивый священникъ, благоговѣйно предстоящій алтарю Божію, и дома, среди семьи своей, живущій какъ въ храмѣ, съ постояннымъ памятованіемъ о Богѣ, о своемъ священническомъ долгѣ, нерѣдкими молитвенными обращеніями къ Источнику всѣхъ благъ учитъ дѣтей не разсужденіями, но всею своею личностію, и живой примѣръ его превосходитъ силою наученія самыя тщательныя и многосложныя изслѣдованія о предметахъ Вѣры. Его благоговѣніе къ своему служенію создаетъ атмосферу, воздухомъ которой дышитъ вся его семья. Онъ пробудился раньше всѣхъ и сталъ на молитву. Постепенно просыпающіяся дѣти не смѣютъ поднять громкаго говора или шалостей, чтобы не помѣшать ему и не разсѣять его; „папаша молится, читаетъ

---

[1]) Изъ статьи, подъ такимъ заглавіемъ, напечатанной въ № 28 *Рук. для с. пастырей*. Едва-ли кто станетъ спорить, что семья священническая есть именно такое мѣсто, гдѣ наилучше *могутъ быть* воспитываемы истинные пастыри; никакая другая семья, напр. семья чиновника, торговца, мѣщанина, состоятельнаго крестьянина и т. п., не представляетъ благопріятныхъ условій для насажденія и развитія тѣхъ качествъ, какія долженъ имѣть пастырь Церкви Христовой. Печально только, что въ послѣднее время многія священническія семьи *обмірщились* настолько, что трудно отличить семью священника отъ семьи любаго лица свѣтскаго. *Ред. Под. Епар. Вѣд.*

правило, готовится къ обѣднѣ",—говорятъ они между собою вполголоса. Затѣмъ онъ снаряжается въ церковь. Если сынъ, мальчикъ отъ 7 до 10 лѣтъ, былъ послушенъ и велъ себя хорошо наканунѣ, отецъ вводитъ его съ собою въ алтарь. Хорошо тамъ мальчику стоять: видно все, что совершается; но и трудно: не смѣй лишній разъ пошевелиться, поглазѣть разсѣянно, перейти съ мѣста на мѣсто; стой и молись: этого требуетъ отецъ, требуетъ святость алтаря. Здѣсь мальчикъ наблюдаетъ эти торжественныя дѣйствія, размѣренныя движенія, благоговѣйныя молитвенныя слова, обращенныя къ незримо присущему Спасителю, видитъ на лицахъ священнослужителей отраженіе священнѣйшихъ чувствъ,—и въ немъ слагается при этомъ будущій іерей, такой же усердный и благоговѣйный. Затѣмъ священникъ возвращается домой. Тамъ встрѣчаетъ его семья, жена и остальныя дѣти; всѣ подходятъ подъ его благословеніе и цѣлуютъ его руку, только что священнодѣйствовавшую. Всѣ охраняютъ миръ души его, бывающій послѣдствіемъ божественнаго пріобщенія. Кто изъ семейныхъ ничего еще не ѣлъ, тотъ можетъ вкусить (бережно, благоговѣйно, отнюдь не роняя крошекъ на полъ) принесенной изъ церкви просфоры, святаго хлѣба, который первымъ долженъ входить въ двери устъ нашихъ, во здравіе тѣла и спасеніе души. Начинается бесѣда, въ которой можетъ быть все,—обыденное и житейское, важное и малозначительное, святое и мірское,—но не можетъ быть жалобы и досады на то, что священникъ получилъ мало денегъ за свою сегодняшнюю службу, потому что не за деньги приступаетъ онъ къ вѣчному Свѣту и дѣлается причастникомъ Божественнаго естества, потому что священнослуженіе само въ себѣ заключаетъ высшую награду. Досады и жалобы никого не дѣлаютъ богаче; напротивъ, отнимаютъ и послѣднее душевное спокойствіе. Не они ли также прививаютъ дѣтямъ священниковъ пренебреженіе къ священству, какъ поприщу малодоходному, склонность

къ матеріальнымъ разсчетамъ, стремленіе къ наживѣ,—словомъ, то своекорыстіе, съ которымъ человѣкъ не будетъ доволенъ ни на какомъ поприщѣ, вездѣ будетъ считать себя обойденнымъ и обдѣленнымъ? Дѣти истинно-благочестивыхъ священниковъ слышатъ отъ своихъ родителей только выраженія глубокаго сознанія святости іерейскаго служенія и высокой его отвѣтственности. Такъ заграждается въ нихъ духъ апостольской ревности, который можетъ оскудѣвать, но не можетъ совершенно изсякнуть въ апостольской Христовой Церкви.

Если день истинно-благочестиваго священника протекаетъ въ мирномъ трудѣ, въ соблюденіи обязанностей священнаго служенія, то онъ не можетъ не оставлять за собою отраднаго чувства, которымъ сопровождается сознаніе исполненнаго долга. „Еще хорошо живемъ", думаетъ и говоритъ священникъ, „еще не лишилъ насъ Господь Своей милости; да не лишитъ насъ и Своего будущаго царствія!" При этомъ юный сынъ священника, будущій служитель Церкви, научается словами и дѣлами отца смотрѣть на земную жизнь, какъ на приготовленіе къ иной лучшей жизни,—на труды, тревоги и скорби, какъ на средства къ улучшенію небесныхъ наградъ. Съ дѣтства привыкаетъ онъ думать о томъ, какъ спастись, какъ избѣгнуть вѣчнаго осужденія. Только такое отношеніе къ жизни и есть истинно-христіанское. Если-бы оно оскудѣло не въ одномъ свѣтскомъ обществѣ, но и въ служителяхъ алтаря, то главная вина въ этомъ падала бы не на учебныя заведенія, гдѣ даются знанія, но не жизнь, понятія, но не силы, а на тѣ семьи, изъ которыхъ выходятъ эти служители, такъ какъ религіозныя воззрѣнія, благочестивые навыки насаждаются у человѣка въ пору дѣтства, а не отрочества, родителями, а не учителями, подъ кровомъ роднаго дома, а не школы. (Под. Епарх. Вѣд.).

Къ вопросу о томъ, что читаетъ нашъ народъ?

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о литературѣ, вращающейся въ средѣ нашего народа, сообщеннымъ мною раньше [1]), не могу не подѣлиться съ читателями сообщеніемъ еще объ одномъ произведеніи, составляющемъ умственную пищу народа и относящемся къ области такъ называемой апокрифической литературы. Произведеніе это подъ названіемъ „Листъ Божій". Имѣющаяся у меня съ такимъ названіемъ брошюра въ 14 страницъ отпечатана славянскими буквами, съ изображеніями. Что касается изданія ея, то изъ нея не видно ни мѣста, ни времени изданія, ни издателя. Но судя по тому, что брошюра эта изложена смѣшаннымъ языкомъ—славянскимъ, русскимъ и малорусскимъ, и что въ ней встрѣчаются такія выраженія, какъ: „понужду и пущу *короля на короля*, мѣсто на мѣсто, *пана на пана*, село на село, сосѣда на сосѣда"... можно заключить, что она издана на югѣ Россіи, а можетъ быть и за границей—въ Галиціи.

По своему содержанію брошюра „Листъ Божій" не есть одно цѣльное сочиненіе, а есть какъ бы сборникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга произведеній. На первыхъ семи страницахъ помѣщаются свѣдѣнія о самомъ „Листѣ Божіемъ": о его происхожденіи, содержаніи и послѣдствіяхъ исполненія и неисполненія содержащихся въ немъ заповѣдей. На первой страницѣ находится рисунокъ, отчасти наглядно представляющій самое происхожденіе „Листа Божія": изображена гора съ четырьмя деревьями на вершинѣ, а надъ деревьями два ангела, держащихъ свитокъ, на которомъ надпись: „Листъ Божій"; на горѣ фигура колѣнопреклоненнаго человѣка съ воздѣтыми вверхъ руками, обращенная къ свитку. Въ самой брошюрѣ находимъ объя-

---

[1]) См. статью „Что читаетъ нашъ народъ"? Под. Епарх. Вѣдом, 1899 г. № 20—21.

сненіе этого рисунка. Въ началѣ ея, чрезъ нѣсколько первыхъ строкъ, говорится: „Сей листъ появился на горѣ Елеонской въ земли Іерусалимской, предъ иконою святого Архистратига Михаила въ воздусѣ висящій, мовъ золотыми буквами писаный, и не могъ никто той листъ въ руки взяти. Патріархъ Іерусалимскій переписалъ его и послалъ своему брату церкви на оборону противъ враговъ". Далѣе, этому листу приписываются особыя магическія свойства: „кто сей листъ при себе мае, або часто читае, або съ прилежностью слухае, або переписуе, той сподобится ласцѣ Божоя. Каждый человѣкъ, жіющій по приказамъ Божимъ, удостоится вѣчнаго спасенія. Въ которомъ домѣ той листъ находитись буде и посля него жити будутъ, тамъ а ни огонь, а ни вода, а ни громъ, а ни ніякая злая рѣчь зашкодити не може". Чрезъ двѣ страницы обѣщаются новыя награды хранителямъ у себя „Листа Божія": „кто бы тотъ листъ при себѣ имѣлъ, тотъ будетъ имѣть пріязнь у всѣхъ людей, безъ святыхъ Таинъ не умре, а при смерти его Мати моя Пресвятая Богородица и Ангелы святіи возмутъ душу праведника и запровадятъ до царствія небеснаго, которому не будетъ конца во вѣки вѣковъ, аминь". Самое содержаніе „Листа Божія" заключаетъ въ себѣ нѣсколько наставленій христіанамъ, высказанныхъ въ видѣ заповѣдей Самимъ Господомъ. „Я Господь Богъ, Іисусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій, изъ Пресвятой Дѣвы Маріи нарожденный, приказую всѣмъ православнымъ христіанамъ Моимъ"...: такъ начинаются эти заповѣди. Послѣднія, изложенныя отрывочно, безъ всякой связи другъ съ другомъ, касаются празднованія воскреснаго дня, почитанія Божіей Матери, посѣщенія храма Божія, воспитанія дѣтей въ храмѣ Божіимъ, воздержанія отъ пьянства и пр. За исполненіе этихъ заповѣдей обѣщается христіанамъ главнымъ образомъ благополучіе въ настоящей жизни, а затѣмъ, „по смерти царствіе небесное". Тѣмъ же, которые не будутъ исполнять ихъ, обѣщаются ужасныя бѣд-

ствія въ настоящей жизни и лишеніе будущаго небеснаго царства. При чемъ эти бѣдствія рисуются слишкомъ мрачными красками и касаются не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ: „буду васъ карати гнѣвомъ справедливымъ, громомъ страшливымъ, блискавицями огненными, тучами, бурями, градами ужасными. Понужду и пущу короля на короля, мѣсто на мѣсто, пана на пана, село на село, сосѣда на сосѣда... Страшное оружіе огненное пущу на васъ. Земля не дастъ вамъ плодовъ своихъ, на скоты вашіи пошлю заразу и погибнутъ вамъ, а люди вашіи потоплю, якъ въ Содомѣ и Гоморѣ... То суть Мои первіи кары". За неисправленіе же послѣ этихъ наказаній обѣщаются еще большія: „допущу на васъ птицы горныи, которыи будутъ летати и вамъ очи выѣдати, напущу на васъ зміи, гусеницѣ, саранчу и поѣдятъ вамъ плоды земли вашей и будетъ голодъ ужасный"... Въ концѣ этихъ наказаній говорится: „а кто тымъ словамъ не иметъ вѣры, тотъ проклятъ будетъ, и не пріидетъ въ царствіе Мое, уготованное для васъ".

Таково собственно содержаніе „Листа Божія". Но вся брошюра, носящая это заглавіе, этимъ не исчерпывается; она имѣетъ еще нѣсколько приложеній. Такъ, вслѣдъ за содержаніемъ „Листка Божія" излагается сонъ Богородицы (видѣніе Богоматерью во снѣ страданій Іисуса Христа), при чемъ онъ изложенъ очень кратко (въ 15 строкахъ) и передъ нимъ помѣщено изображеніе воскресенія Христова. Далѣе слѣдуетъ молитва Богородицѣ „Подъ твою милость"... и предъ нею изображеніе Почаевской иконы Божіей Матери; „посты избранніи", т. е. сказаніе о двѣнадцати пятницахъ, въ которыя нужно поститься, и предъ ними изображеніе проповѣдующаго Господа Іисуса Христа; нѣсколько изреченій въ родѣ слѣдующаго: „коли идешь якъ гремитъ, спомни себѣ Арх. Михаила, Гавріила и Пр. Богородицу и псалмы 90 и 120".

Описанная брошюра „Листъ Божій“ пользовалась въ моемъ приходѣ большою популярностью. Она переходила изъ рукъ въ руки и въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла обойти большую половину прихода. Попала она ко мнѣ совершенно случайно, во время посѣщенія одного крестьянскаго дома съ требоисправленіемъ. При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что крестьяне нѣсколько недѣль осаждали меня просьбами, чтобы я отдалъ имъ брошюру, и, не смотря на мои разъясненія о ея вредности, нѣкоторые изъ нихъ говорили: „вѣроятно, эта книжка („Листъ Божій“) очень хороша, если батюшка хочетъ взять ее себѣ“. На мой вопросъ, какимъ образомъ эта книжка попала въ мой приходъ, одинъ прихожанинъ объяснилъ мнѣ, что ее подарилъ ему одинъ перехожій попрошайка въ благодарность за ночлегъ.

Наши сельскіе грамотѣи особенно падки на всякую книжку. У нихъ очень развита любознательность; нужно только идти ей навстрѣчу съ здоровымъ умственнымъ матеріаломъ. (Под. Епарх. Вѣд.).

Характеристика современной жизни интеллигенціи.

По поводу книжки проф. Ковалевскаго: „Возрожденіе и вырожденіе.“ Спб. 1899 г., 1 р.

Не такъ давно появился въ свѣтъ новый трудъ нашего извѣстнаго психіатра профессора П. И. Ковалевскаго „Вырожденіе и возрожденіе.“ Чрезвычайно поучительная для пастыря эта книжка трактуетъ о многихъ печальныхъ явленіяхъ нашей современной жизни, явленіяхъ, съ которыми такъ или иначе приходится вѣдаться и священнику. Особенно больно становится на душѣ, когда изъ этого труда узнаешь, что грозная

язва нашего отечества—пьянство заѣла въ конецъ и современную интеллигенцію, заѣла тѣхъ, кто силится себя назвать „солью земли русской.“ „Что нашъ мужикъ спился, пишетъ проф. П. И. Ковалевскій, это такъ общеизвѣстно, что и говорить не стоитъ. А что вотъ нашъ интеллигентъ пьяница, на это указать слѣдуетъ. И этотъ интеллигентъ—пьяница гораздо большій, чѣмъ мужикъ. Мужикъ пьетъ разъ въ недѣлю и, слѣдовательно, его пьянство періодическое, сводящееся на единичное, простое опьяненіе, а интеллигентъ пьетъ изо дня въ день. Не ради горя и недостатка онъ пьетъ, а отъ излишка; пьетъ и въ праздникъ, и въ будни, и передъ обѣдомъ, и передъ ужиномъ, и за ужиномъ и послѣ ужина, и за картами, и въ театрѣ, и въ саду. Гдѣ только онъ не пьетъ? Теперь спросимъ, кто-же настоящій пьяница? Мужикъ или интеллигентъ? Посмотрите вокругъ себя и увидите, что черезчуръ пьющихъ очень и очень много. Если вы захотите поставить вопросъ ребромъ; много ли въ интеллигентномъ обществѣ пьяницъ, то и тогда вы должны отвѣтить: ихъ больше, чѣмъ въ деревнѣ. Положительно я говорю: я не знаю ни одного болѣе или менѣе порядочнаго семейства, въ болѣе или менѣе отдаленномъ кружкѣ котораго не было бы пьяницы. И это я говорю о заправскомъ пьяницѣ, пропивающемъ свою честь, доброе имя. А теперь возьмите другихъ людей,—людей порядочныхъ, милыхъ, приличныхъ, принятыхъ въ обществѣ, но любящихъ „заложить“, „быть съ мухой“, и „немного выпить...“ Таковыхъ неисчислимое количество! А сколькихъ вы знаете писателей, поэтовъ, художниковъ, которые могутъ творить только въ чаду опьяненія алкоголемъ, кофе, морфіемъ и т. п. Увы, все это уже пьяницы, а ихъ дѣти—потомки пьяницъ, обреченные на вырожденіе. Тяжело, грустно и жалко сознаться, но это вѣрно“ (34—35 стр.).

Также тяжело и глубокой грустью наполнится ваше сердце, когда вы въ этой книжкѣ познакомитесь и съ дру-

гими язвами въ жизни нашей современной интеллигенціи. Не вѣрить же имъ и успокаивать себя мыслію, что все это только однѣ громкія и красивыя фразы,—нельзя. Это пишетъ интеллигентный человѣкъ и пишетъ съ глубокой скорбью и сознаніемъ,—что „печальной правды“ больше скрывать нельзя. Печальная и грустная правда! И что можетъ быть печальнѣе для пастырскаго сердца этихъ искреннихъ строкъ. „Мы“, говоритъ проф. Ковалевскій, заставляемъ дѣтей нашихъ учить молитвы „для батюшки,“ но стыдимся перекрестить лобъ предъ завтракомъ и обѣдомъ. Мы ложимся спать не только безъ молитвы, но и не крестясь. Неловко, неудобно... Зачѣмъ афишироваться? Дѣти все это видятъ, все это понимаютъ и тоже творятъ молитву pro forma. Что у насъ есть? Любовь къ родинѣ для насъ, окруженныхъ людьми, не имѣющими никакой родины? Еврей не стыдится говорить о своемъ еврейскомъ патріотизмѣ, имѣя отечество... въ „талмудѣ“ и „низяханъарухѣ.“ Нѣмецъ съ гордостью заявляетъ о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи; армянинъ, грузинъ и татаринъ открыто исповѣдуютъ свою національность... Мы же, русскіе, всегда стѣсняемся заявить о любви къ своей родинѣ, о своей національности. Семейное начало? Ну, знаете, это щекотливый предметъ при современныхъ нравахъ... (стр. 74—75; сравн. 94—97).

„Какія дѣла, занятія, помыслы и цѣли наиболѣе и наилучше владѣютъ большинствомъ нашей интеллигенціи“, спрашиваетъ одинъ изъ образованнѣйшихъ юристовъ на страницахъ „Русской Мысли“ и отвѣчаетъ: „одинъ съ утра до ночи носится со своими акціями по конторамъ и маклерамъ, другой весь, съ и душой тѣломъ, ушелъ въ свой велосипедъ, третій—день и ночь за картами, четвертый завелъ такой кругъ знакомства, что на нужные и ненужные визиты у него уходитъ весь день...; возвратясь въ 8 час. вечера, онъ обѣдаетъ, а тамъ въ клубъ за желанный зеленый столъ. Пятый, един-

ственный идеалъ котораго въ цирковомъ атлетизмѣ, развилъ свои мускулы до безобразія, больше мычитъ, чѣмъ говоритъ; глаза на выкатѣ, но обличаютъ отсутствіе какихъ-либо думъ въ наголо выстриженной головѣ и какихъ-либо чувствъ въ колесомъ выпяченной груди. Онъ производитъ странное, жуткое и отталкивающее впечатлѣніе самодвижущагося, лишеннаго души и тѣла, чего-то въ родѣ новомоднаго автомобиля со смраднымъ керосиновымъ двигателемъ вмѣсто живыхъ коней" (характеристику „Русской Мысли" цитуемъ по „Душеп. Чтенію" VII, 467). Если же вы прибавите къ этой пессимистической характеристикѣ современнаго интеллигентнаго общества, что въ настоящее время одинъ только Петербургъ имѣетъ психопатическую армію интеллигентовъ въ 3,000 человѣкъ („Вырожденіе" 31), то вы поймете весь ужасъ современной интеллигентной жизни. Гдѣ же искать выхода изъ подобнаго безотраднаго положенія? Въ религіи христіанской—вотъ какой слышимъ мы отвѣтъ у выдающихся писателей конца XIX вѣка. На мрачномъ пиршествѣ земли—людей, какъ усталыхъ гостей, можетъ возставить и спасти только религія. Интеллигентный человѣкъ, если онъ хочетъ и для себя видѣть „дни благи" и дѣтей своихъ видѣть „людьми", а не выродившимися, золотушными, лживыми полутрупами, долженъ прежде всего самъ себя перевоспитать нравственно по духу Христова ученія. Только, подобное, дѣйствительное перерожденіе, воплощеніе въ себѣ требованій нравственности и можетъ служить крѣпкимъ залогомъ, что „слава и гордость" отечества, „наши дѣти" будутъ здоровыми и духомъ и тѣломъ христіанами. „Нравственности нельзя предписать за нумеромъ такимъ-то исходящей канцелярской бумаги. Желаете вы имѣть дѣтей нравственными, будьте имъ примѣромъ. Не стыдитесь открыто признавать имя Божіе, чтите безъ лицемѣрія и безъ сервилизма своего царя,—не стѣсняйтесь открыто исповѣдывать, что вы русскій и любите свою родину, будьте истиннымъ от-

цомъ и мужемъ, уважайте себя и другихъ, исполняйте вашъ долгъ,—и ваши дѣти станутъ высоконравственными людьми" (75—76). О, какъ бы мы—пастыри—были счастливы, если бъ этотъ призывъ почтеннаго профессора хотя немного пробудилъ нашу интеллигенцію и заставилъ ее внимательно всмотрѣться, что жизнь, которую они ведутъ, никогда не можетъ быть названа жизнью людей разумныхъ, что она „противна и Божескимъ и человѣческимъ законамъ" (Ковалевскій, 95), и что давно пора оставить эту тину и выйти на свѣтлый путь жизни въ духѣ Христова ученія въ строгомъ союзѣ съ Церковію Православною! (Изъ С.-Пет. Дух. Вѣстн.).

Къ исторіи причтовыхъ помѣщеній [1].

Въ текущемъ году исполняется ровно 10 лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1888 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о замѣнѣ существующей въ девяти губерніяхъ западнаго края повинности землевладѣльцевъ и прихожанъ по устройству помѣщеній для причтовъ православныхъ сельскихъ приходовъ временнымъ поземельнымъ сборомъ. Этотъ временный поземельный сборъ назначенъ на 20 лѣтъ. Итакъ, въ семъ году совершилось какъ разъ, такъ сказать, преполовеніе причтоваго строительства по новому положенію. По сему теперь особенно благовременно бросить бѣглый взглядъ на исторію и настоящее состояніе этого важнаго вопроса въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія причтовъ сельскихъ приходовъ.

---

[1]) Печатая эту статью, мы не можемъ не высказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она отзывается фельетоннымъ характеромъ и преувеличеніями. Надѣемся, что она вызоветъ болѣе солидныя и болѣе безпристрастныя сужденія и сообщенія по вопросу, дѣйствительно, чрезвычайно важному въ жизни духовенства, затронутому почтеннымъ авторомъ. *Ред.*

Несомнѣнно, что постоянныя помѣщенія для причтовъ сельскихъ приходовъ крайне необходимы, *ибо и лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда*,—и сельское духовенство, почти всегда обремененное многочисленнымъ семействомъ, должно имѣть *гдѣ главу приклонить*. *Но птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ и въ житницы не собираютъ*, а у сельскаго духовенства главное и самое вѣрное обезпеченіе—земля; слѣдовательно, должны быть у него и житницы, и дворы, и клѣти.

Но, повидимому, простой вопросъ объ устройствѣ помѣщеній для сельскихъ причтовъ въ сущности очень труденъ для разрѣшенія, въ 1-хъ, потому, что такое или иное рѣшеніе этого вопроса налагаетъ извѣстный отпечатокъ на всѣ стороны жизни сельскаго духовенства и даже ощутительно отражается на состояніи прихода и прихожанъ; во 2-хъ, потому, что причтовыя строенія нуждаются въ постоянномъ ремонтѣ и поддержаніи, такъ что причтовое строительство—это, такъ сказать, непрерывный процессъ, требующій постоянныхъ расходовъ, постояннаго и бдительнаго надзора или, какъ говорятъ, хозяйскаго ока. Вотъ почему даже въ настоящемъ столѣтіи вопросъ объ устройствѣ помѣщеній для причтовъ сельскихъ приходовъ пережилъ нѣсколько фазисовъ, и все таки нельзя сказать, чтобы въ этомъ дѣлѣ переходили отъ худшаго къ лучшему.....

Предки наши встрѣтили настоящее столѣтіе въ собственныхъ „покояхъ“. То было время патріархальное. Объ обезпеченіи сельскаго духовенства со стороны правительства тогда еще и разговора не было. Помѣщикъ обыкновенно выдѣлялъ въ пользованіе причта извѣстное количество земли—усадебной, пахатной и сѣнокосной, крестьяне платили за требы, начальство зорко слѣдило за благоповеденіемъ и усердіемъ по службѣ членовъ причта, а во всемъ остальномъ каждый іерей, діаконъ и дьякъ былъ вполнѣ предоставленъ

самому себѣ, и долженъ былъ воспитывать и обезпечивать себя и семью имиже вѣсть судьбами. Конечно, и эмеритура, страхованіе жизни, приданаго, и всѣ прочіе современные способы сбереженій на черный день для духовенства того времени были еще совершенно не извѣстны. Священникъ въ то время мало отличалъ свое отъ церковнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Церковная усадьба—это была его усадьба. На ней онъ „на свой коштъ" устраивалъ уютное жилище себѣ, и постройки, какія нужны были для его хозяйства. Усадьбу ограждалъ оплотомъ, съ большимъ усердіемъ разводилъ на ней прекрасный садъ; выкапывалъ, гдѣ возможно было, „сажавку" (бассейнъ), заводилъ въ ней рыбу; а иногда запруживалъ и настоящій „рыболовный ставъ" (прудъ). Церковное поле—это было его поле. Онъ окапывалъ по возможности всѣ церковныя поля, обязательно заводилъ себѣ хуторъ, и въ немъ насаживалъ садъ, устраивалъ прудъ, строилъ на хуторѣ хату и постройки, держалъ тамъ „хуторного" и въ укромномъ мѣстѣ обязательно разводилъ пасѣку. Даже приходъ былъ собственно его приходъ. Въ немъ онъ родился, возросъ, въ немъ почти всегда и подготовлялся къ своему іерейскому служенію. Если иногда и отдавалъ его отецъ въ Умань или Немировъ на науку въ польскія школы, или въ Кіево-Братское училище, то обыкновенно онъ тамъ обучался только до риторики или философіи, т. е., до того возраста, когда можно было ему поступить въ клиръ, и затѣмъ опредѣлялся къ отцу или какому-либо родственнику въ дьячки, а оттуда при первой возможности и въ іереи, на мѣсто своего отца или тестя. А здѣсь уже все для него готово, устроено: усадьба и поля въ полномъ порядкѣ, домъ и постройки во время исправлены, въ нихъ всего призапашено. Молодому іерею оставалось только жить, поживать, да добра наживать, чтобы въ свою очередь оставить его на этомъ же мѣстѣ своимъ дѣтямъ... Такимъ образомъ, въ собственныхъ домикахъ

нашимъ предкамъ жилось хорошо и безпечально. Всякій зналъ, что послѣ него приходъ его со всѣмъ добромъ въ немъ нажитымъ достанется его дѣтямъ. И когда у іерея появятся сыны и дщери, то онъ вполнѣ спокоенъ и за нихъ и за себя: церковная землица, его трудами благоустроенная, всѣхъ ихъ воспитаетъ, и будетъ поддерживать до тѣхъ поръ, пока они будутъ нуждаться въ этомъ. Нужды нѣтъ, что приходъ его малъ, не доходенъ. „На одномъ мѣстѣ и камень оборостаетъ". Пословица эта, по всей вѣроятности сложившаяся среди духовенства, какъ нельзя лучше оправдывалась на нашихъ предкахъ. На одномъ приходѣ предки наши жили изъ рода въ родъ, и самый незначительный приходъ поэтому устраивали, улучшали на столько, что онъ не скудно пропитывалъ ихъ и всю ихъ фамилію, окруженный къ этому обаятельнымъ ореоломъ „батькивщыны"....

Каковы же были причтовыя помѣщенія въ то время? Мало было разницы между клириками и ихъ „парафіанами" по образованію; не было почти разницы между ними и по внѣшней жизненной обстановкѣ. Дома священниковъ съ нашей точки зрѣнія были, конечно, тогда и тѣсны и не удобны, но они вполнѣ удовлетворяли нашихъ предковъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ дома эти сохранились еще и до сихъ поръ въ видѣ развалинъ, давно уже отжившихъ свой вѣкъ. Къ дому священника, какъ единственное внѣшнее отличіе его отъ крестьянскихъ хатъ, пристраивалось открытое крылечко, по тогдашнему „ганокъ", изъ котораго открывался входъ обыкновенно въ большія гостепріимныя сѣни съ открытой дымовой трубой (комынъ), очень удобной въ хозяйственномъ отношеніи для копченія окороковъ, колбасъ, сала и проч. Изъ сѣней влѣво былъ входъ въ „пекарню" (кухню), а вправо входъ въ „покои". Наши предки вполнѣ удовлетворялись двумя и рѣдко тремя покоями очень небольшой величины. Покои, какъ и весь домъ, были, конечно, безъ половъ, зато

очень аккуратно смазывались извѣстнымъ составомъ и устилались лѣтомъ свѣжей травой, а зимой сѣномъ. Покои были сплошь по стѣнамъ завѣшены большими иконописнаго художества образами; лишь на задней стѣнѣ скромно ютились надъ дверью нѣкоторыя, купленныя у венгерцевъ, картины стратегическаго или бытоваго свойства. Вдоль стѣнъ покоевъ стояли тапчаны (диваны), столы и стулья, скрыни (сундуки) и лижка (кровати). Все это мѣстной работы, часто издѣлія самого хозяина или его предковъ, пережившія уже нѣсколько поколѣній. А въ одной изъ стѣнъ въ покояхъ обязательно вдѣланъ былъ шкафчикъ съ нѣсколькими полочками; дверки его всегда были заперты на замокъ, и ключъ хранился у хозяина... Здѣсь хранилось разныхъ сортовъ „утѣшеніе веліе" на случай гостей, или другой какой либо „оказіи": водка, а также вишнякъ, сливнякъ и разныя другія „настойки", искусствомъ въ приготовленіи которыхъ, какъ извѣстно, очень славились старосвѣтскіе батюшки и матушки. Такой же былъ и домъ для псаломщика—школа, съ тѣмъ различіемъ, что сѣни въ немъ были сквозныя и раздѣляли домъ на двѣ равныя половины. Въ одной половинѣ, представлявшей собою простую крестьянскую хату съ варистою печью и „лежанкой", помѣщался псаломщикъ, въ другой, точно такой же, была собственно школа. Лѣтомъ, когда ученіе въ школѣ прекращалось, псаломщикъ распространялся на обѣ половины. Зимою же, когда ученіе открывалось, онъ обыкновенно сокращался въ свою половину. Вообще, простора въ жилищахъ нашихъ предковъ было мало, комфорту еще меньше, но за то уютности было достаточно. Это именно было гнѣздо, отцами насиженное, для дѣтей уготованное... Не прочь, конечно, были предки наши и собраться и повеселиться при оказіи. Но въ подобныхъ случаяхъ въ танцовальный залъ обращалась у нихъ клуня, а сѣнникъ—въ спальню. И хотя тогда не знали ни игры въ карты, ни шумной еврейской му-

зыки, но по нѣсколько дней проводили въ болѣе непринужденномъ веселіи, чѣмъ теперь проводятъ одну ночь „на балу". Правда, и пріѣзжали тогда въ гости не фаэтонами, а обыкновенно лишь старики тряслись на „нетычанкѣ", а молодежь, бывало, выпроситъ у папеньки чумацкій воловій возъ, сложитъ туда всѣ свои туалеты до сапогъ и черевиковъ включительно, а сами веселыми ногами далеко обгоняютъ воловъ, разучивая кстати по дорогѣ всякія колѣнца изъ кадриля и галопа. И лишь въ ближайшемъ къ цѣли путешествія лѣсу останавливались, одѣвались, пріакурачивались и являлись въ гости вполнѣ готовыми для танцевъ и разныхъ игръ, на которыя очень затѣйлива была тогдашняя молодежь. Преобладали игры польскаго происхожденія, напр., „въ шпепюречкы", „гарнушка", „въ цензуры" и др. Не домъ и не покои привлекали главное вниманіе и составляли главную заботу священниковъ и причетниковъ того времени, а хозяйственныя постройки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предки наши вели хозяйство въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ мы. Почти всякій дьякъ въ то время работалъ собственнымъ плугомъ. Многія вдовы священниковъ и причетниковъ вели и собственное хозяйство на отведенномъ имъ участкѣ церковной земли, которымъ воспитывали и дѣтей своихъ. О священникахъ уже и говорить нечего. Они считали у себя овецъ десятками, а часто и сотнями, имѣли по нѣсколько паръ воловъ и лошадей и много мелкаго скота, а часто и цѣлые табуны всякаго скота. Чумачка, обыкновенный и самый доходный крестьянскій промыслъ въ то время, былъ довольно развитъ и среди сельскаго духовенства. Какъ въ настоящее время нѣкоторые священники мечтаютъ поправить свои финансы посѣвомъ свекловицы, такъ въ то время священники и причетники пытали свое счастье на чумачкѣ. И нѣкоторые изъ нихъ этотъ промыселъ доводили до значительнаго развитія. Сыновья священниковъ и причетни-

ковъ, записавшись „по ревизіи“ при отцахъ своихъ пономарями, свое время проводили нерѣдко въ чумачкѣ, провожая цѣлую „валку“ (обозъ) „въ Крымъ по силь“ или „въ Гадесъ“ (Одессу) и обратно. Многіе изъ нихъ, вступивши на самостоятельный приходъ, имѣли уже по нѣсколько собственныхъ чумацкихъ возовъ. Для помѣщенія всего этого „скарба“ нужны были, очевидно, обширныя хозяйственныя постройки. О томъ же, чтобы не заниматься хозяйствомъ и сдавать землю въ аренду, въ то время никакой священникъ или церковникъ и не думалъ, ибо хозяйство для сельскаго духовенства было тогда буквально единственное средство къ поддержанію себя и семьи. Тогдашній безденежный крѣпостной людъ часто тѣмъ только и благодарилъ священнику за требы, что отработывалъ ему по хозяйству, или же давалъ ему натурою овцу или другое что изъ своего хозяйства. Такимъ образомъ, собственно хозяйственныя постройки для духовенства того времени были очень важны, гораздо важнѣе, чѣмъ домá, и, судя по обширности хозяйственныхъ операцій, были очень обширны и хороши. Какъ теперь зажиточность крестьянъ опредѣляется не по тому, какая у него хата—крестьянскія хаты всѣ одинаковы—а по тому, какая у него клуня, какія хозяйственныя постройки; такъ въ былое время опредѣлялась и зажиточность священниковъ и причетниковъ. Даже и въ домахъ священниковъ того времени самое главное, господствующее положеніе занимала „комора“ или „спижарня“ (кладовая), которая была гораздо обширнѣе покоевъ, и входъ въ которую былъ обыкновенно прямо изъ послѣдней комнаты. Комора была любимымъ, такъ сказать, дѣтищемъ хозяйки дома. О наполненіи ея о порядкѣ въ ней она гораздо болѣе заботилась, чѣмъ о своихъ покояхъ. Комора вмѣстѣ съ тѣмъ была и любимымъ мѣстомъ хозяйки; даже когда нѣсколько матушекъ съѣзжались вмѣстѣ, то обыкновенно посекретничать или побалагурить о своемъ хозяйствѣ они со-

бирались въ коморѣ. И домъ и всѣ постройки каждый священникъ и причетникъ строилъ и исправлялъ, конечно, на свой счетъ,—и по мѣрѣ развитія хозяйства расширялъ и умножалъ свои постройки, и въ мысли не имѣя того, что ему все это долженъ кто-либо устроить, такъ какъ у него есть и крупный и мелкій скотъ и всякая „пашня“ (хлѣбъ въ зернѣ). Общественную собственность часто составляла лишь школа, гдѣ почти всегда помѣщался и дьякъ—бакаляръ; но нужныя ему хозяйственныя постройки возлѣ школы онъ все-таки сооружалъ на свой счетъ. Однимъ словомъ, поступая на приходъ, священникъ тогда получалъ въ обезпеченіе себѣ голую землю, но много лѣтними трудами его и его потомковъ пустыня эта обстраивалась, украшалась и процвѣтала, *яко кринъ*, питая и веселя своихъ хозяевъ и всю ихъ „фамилію“.

Этотъ укладъ жизни сельскаго духовенства первой половины настоящаго столѣтія, предоставлявшій членамъ причта самимъ на собственный счетъ обезпечивать себя причтовыми помѣщеніями, связанъ былъ съ однимъ существеннымъ неудобствомъ. Собственными причтовыми помѣщеніями духовенство тогда такъ тѣсно прикрѣплялось къ своимъ приходамъ, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сего являлась наслѣдственность приходовъ. Бывали, конечно, исключенія, когда приходъ переходилъ къ другой фамиліи, но эти исключенія были очень рѣдки. Когда, напр., умиралъ или уходилъ за штатъ священникъ, не имѣвшій наслѣдниковъ, интересующихся его приходомъ, тогда приходъ его, конечно, доставался чужому. Но и въ этомъ случаѣ онъ или его вдова жили въ своемъ домикѣ до смерти и для ихъ пропитанія въ ихъ пользу выдѣлялась часть церковной земли и церковныхъ доходовъ. Члены же причта, имѣвшіе наслѣдниковъ—сыновей, зятьевъ или даже племянниковъ—обыкновенно старались заблаговременно пріютить ихъ возлѣ себя, для чего или принимали ихъ къ себѣ „на половинную часть“, или и совсѣмъ уходили за

штатъ, уступая мѣсто дѣтямъ. Не смотря на происходившія при такомъ порядкѣ злоупотребленія [1]), Епархіальное начальство не только не препятствовало наслѣдственности приходовъ, но даже поддерживало ее, какъ единственное и самое вѣрное средство обезпеченія вдовъ и сиротъ духовенства. Такъ, напр., если умиралъ священникъ и оставлялъ малолѣтнихъ сиротъ, то приходъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался празднымъ и лишь временно замѣщался „наблюдающимъ" до совершеннолѣтія сиротъ, послѣ чего приходъ опятъ переходилъ къ сыну или зятю умершаго.

Была ли наслѣдственность приходовъ во всѣхъ отношеніяхъ зломъ въ жизни и дѣятельности духовенства? Трудно это сказать. Несомнѣнное преимущество наслѣдственности для матеріальнаго обезпеченія духовенства было уже то, что объ обезпеченіи духовенства тогда не нужно было заботиться. Духовенство само обезпечивало себя и своихъ вдовъ и сиротъ и помѣщеніями, и содержаніемъ. Для благоустройства же приходовъ, особенно въ сравненіи съ ихъ нынѣшнимъ состояніемъ, наслѣдственность имѣла то важное преимущество, что при ней не было такъ называемыхъ переходныхъ, временныхъ приходовъ. Каждый священникъ, живя въ насиженномъ унаслѣдованномъ приходѣ, думалъ, что лучше уже

---

[1]) Священники, обыкновенно, едва дождавшись взрослаго сына или дочери, старались пристроить ихъ на своемъ мѣстѣ, а сами просились за штатъ, ссылаясь на „трясеніе рукъ", болѣзнь желудка и пр., оставляя, конечно за собою часть церковной земли и доходовъ. Епархіальное начальство сильно противилось такому раннему выходу священниковъ за штатъ, часто вызывало просителей на испытаніе въ Софійскій соборъ. Было даже распоряженіе, чтобы священники, не достигшіе 60 лѣтъ, не просились за штатъ безъ особо уважительныхъ причинъ. И все-таки тогда случались такіе факты, какъ, напр., свящ. с. Росоши Липов. у. Петръ Оземскій въ 1807 г. уступилъ приходъ своему зятю, а самъ вышелъ за штатъ. Когда же зять его перешелъ въ военное вѣдомство, то онъ опять самъ занялъ с. Росоше и священствовалъ въ немъ послѣ этого еще болѣе 20 лѣтъ. Нерѣдко священники по удаленіи за штатъ много лѣтъ проводили въ званіи наблюдающихъ сиротскіе приходы.

нигдѣ ему не будетъ,—и нисколько не завидовалъ другимъ своимъ собратьямъ, которые жили, повидимому, въ лучшихъ условіяхъ. А теперь священники и думаютъ и дѣйствуютъ по пословицѣ: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“; и едва ли найдется теперь такой священникъ, который хорошаго прихода при первой возможности не пожелалъ бы перемѣнить еще на лучшій. Не говоря уже о томъ, что очень много теперь есть переходныхъ, такъ сказать, приходовъ, которые какъ будто для того и существуютъ, чтобы всякій занявшій ихъ какъ можно скорѣе убѣгалъ изъ нихъ. [1])

Какъ бы то ни было, но вопросъ о причтовыхъ помѣщеніяхъ, при наслѣдственности приходовъ, рѣшенъ былъ наиболѣе просто, естественно и цѣлесообразно. Всѣ причтовыя помѣщенія были собственностью причтовъ, и оставались таковыми, пока это нужно было въ интересахъ семьи. Умеръ священникъ, вдова остается въ домѣ и изъ него воспитываетъ дѣтей, для чего ей выдѣляется часть церковнаго поля и доходовъ. Вдова умираетъ, дѣти ютятся въ домѣ. Дѣти пристраиваются и постройки ихъ, какъ уже сослужившія свою службу, ликвидируются—или уступаются новому священнику или продаются на сносъ. Не было большихъ дрязгъ и отъ того, что на одной церковной усадьбѣ жили по нѣсколько семействъ: всѣмъ хватало мѣста. Жили, какъ говорится, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, тѣмъ болѣе, что были все свои, родные. Конечно, гдѣ люди, тамъ и дрязги. Были нерѣдко и между родными тогда непріятности и дѣла изъ-за построекъ, доходившія до Духовнаго Правленія и даже до Консисторіи. Но родные часто бранятся, да скоро и мирятся. Большею частію дѣло кончалось домашнимъ способомъ: „хата—покрышка“, какъ тогда говорили, т. е. сору изъ избы не выносили. Для полноты примиренія являлись староста и другіе „вхожіе“ до батюшки хозяева, и стараго или молодого панъ-отця или пани-матушку успокаивали добродушными рѣчами.

[1]) Не много-ли сказано? Ред.

II.

Одна черная туча омрачала духовное сословіе на пространствѣ всей Матушки-Руси. Это именно низкій уровень образованія духовенства прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка. Почти всѣ священники и причетники Юго-Западнаго края были домашняго образованія, обученные, какъ говорилось въ ихъ клировыхъ вѣдомостяхъ, русской и польской грамотѣ при отцахъ своихъ. Лишь немногіе изъ нихъ прошли низшіе классы тогдашнихъ польскихъ школъ. Можно сказать, что клирики отъ своихъ „парафіанъ“ въ образовательномъ отношеніи однимъ только отличались—именно грамотностью, хотя, сказать правду, не были даже особенно грамотны. Женская же половина духовенства была сплошь безграмотна. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, благодаря именно своему низкому образовательному цензу, духовенство первой четверти настоящаго столѣтія вполнѣ довольствовалось почти крестьянской обстановкой жизни и почти крестьянскимъ обезпеченіемъ. Вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми сыны и дщери духовенства гуляли босикомъ, встрѣчали весну съ пѣснію: „выйды, выйды сонечко на попове полечко, тамъ пипъ косыть“ и проч. Вмѣстѣ съ крестьянскими юношами и дѣвицами они колядовали на Рождество, играли въ „володаря“ на Пасху; а въ іюлѣ и сами выходили „на попове полечко“, косили и жали. Оставшись сиротами, дѣти духовенства не тяготились добывать себѣ пропитаніе чернымъ крестьянскимъ трудомъ, и сдѣлавшись батюшками и матушками, они также не чуждались этого труда. Зато и на образованіе священники тогда смотрѣли крестьянскими глазами, т. е. учили грамотѣ только сыновей и то лишь для того, чтобы открыть имъ доступъ въ клиръ...

Въ первые годы царствованія Императора Александра I, когда правительство озабочено было вообще поднятіемъ на-

роднаго просвѣщенія, вопросъ о возвышеніи образовательнаго ценза духовенства потребовалъ неотложнаго рѣшенія. Въ 1808 году образована была Комиссія по устройству духовно-учебныхъ заведеній, трудами которой образованіе сельскаго духовенства поставлено было совсѣмъ на новыхъ началахъ. Въ каждой епархіи стали учреждаться духовныя семинаріи и по нѣсколько духовныхъ училищъ. Всѣмъ священникамъ и причетникамъ предписано было отдавать своихъ сыновей школьнаго возраста въ духовныя училища подъ страхомъ строгаго взысканія за уклоненіе отъ этого. Бѣдныхъ духовныхъ отроковъ что называется отъ матернихъ объятій вырывали и въ бурсу отдавали. Нерѣдко какая-либо „бидна дытына" лѣтъ 15-ти 20-ти, соскучившись за мамою и родною деревнею, совершала побѣгъ изъ бурсы домой. Но радость матери была непродолжительна. „Видну дытыну" опять подъ конвоемъ отправляли въ бурсу, а тамъ обильная порція „березовой каши" надолго охлаждала его пылкую любовь къ родинѣ...

Такимъ образомъ, для каждаго духовнаго отрока бурса и семинарія сдѣлались какъ-бы неизбѣжными мытарствами, которыя необходимо пройти для полученія прихода. А въ бурсѣ и особенно въ семинаріи духовныхъ отроковъ совершенно передѣлывали на свой ладъ; не только учили ихъ, но и говорили съ ними по-латыни, и изъ вольныхъ сыновъ деревни дѣлали „панычей" далекихъ отъ всего деревенскаго. Проучившись нѣсколько лѣтъ въ бурсѣ и семинаріи, панычъ забывалъ даже, что такое грабли, и даже въ случаяхъ совсѣмъ не классическихъ выражался не иначе, какъ по-латыни. Окончивъ курсъ „богословіи", такой панычъ въ занятіи прихода имѣлъ, конечно, полное преимущество предъ дьякомъ. Съ появленіемъ „богослововъ", епархіальное начальство впервые и безповоротно пошатнуло принципъ наслѣдственности приходовъ, и давало приходы не по просьбѣ отца или ходатайству прихожанъ, но, главнымъ образомъ, по образовательному

цензу. Съ тѣмъ вмѣстѣ окончательно пошатнулся и исконный крестьянскій способъ, такъ сказать, самообезпеченія причтовъ сельскихъ приходовъ помѣщеніями и содержаніемъ. Такихъ паничей, которые за время ученія уже отвыкли и отъ хозяйства и отъ села, нужно уже было обезпечить со стороны Правительства. Сами они уже не могли дать себѣ рады, тѣмъ болѣе, что являлись на приходъ хотя съ полной головой, но съ пустыми руками и карманами. А между тѣмъ несомнѣнно, что съ возвышеніемъ образованія возрасли и потребности сельскаго духовенства. Если и выѣзжали теперь священники и ихъ дѣти „на попове полечко", то уже не для того, чтобы жать и косить, а лишь для того, чтобы присмотрѣть за рабочими; если и жили въ двухъ-трехъ покояхъ, то уже далеко не удовлетворялись такимъ помѣщеніемъ, и горько жаловались на свое „бѣдственное положеніе". Правда, сельскія матушки пока еще оставались при домашнемъ воспитаніи и своей „деревенщиной" много способствовали до 60-хъ годовъ упрощенію жизни сельскаго духовенства [1]). Но все таки образованіе сельскихъ священниковъ настойчиво потребовало себѣ и соотвѣтствующаго обезпеченія.

И вотъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ образованія сельскихъ священиковъ, Правительство принялось изыскивать съ своей стороны и средства къ его обезпеченію. Плодомъ этихъ изысканій явились „Правила объ обезпеченіи православнаго духовенства сельскихъ приходовъ, Высочайше утвержденныя 20 іюля 1842 года". Главнымъ средствомъ обезпеченія сельскаго духовенства осталась все таки земля, которая, впрочемъ, была по каждому приходу приведена въ извѣстность, ограничена межевыми знаками и закрѣплена за церковью. Какъ нѣчто новое въ матеріальномъ обезпеченіи сельскихъ причтовъ,

[1]) Съ появленіемъ „паничей", священники, иногда и своихъ дочерей обращали въ „барышень"; одѣвали ихъ по модѣ, нанимали для нихъ учительницъ, которыя, впрочемъ, не столько учили ихъ наукамъ, сколько „обхожденію".

явилось прежде всего обезпеченіе ихъ помѣщеніями. Согласно правиламъ 1842 года, всѣ причтовыя строенія (дома и хозяйственныя постройки) должны составлять не собственность *причтовъ*, а собственность *приходовъ*, такъ чтобы каждый членъ причта, явившись въ приходъ, имѣлъ въ немъ уже готовую квартиру со всѣми удобствами.

Поэтому всѣ годныя къ дальнѣйшему существованію строенія сельскихъ причтовъ пріобрѣтались отъ нихъ на средства помѣщиковъ и прихожанъ въ церковную собственность. Гдѣ же эта покупка почему либо не могла состояться, тамъ устраивались новыя причтовыя помѣщенія, при чемъ матерьялъ на постройку должны были давать помѣщики, а строить должны были крестьяне [1]). Вообще уѣздному предводителю дворянства вмѣстѣ съ другими членами поручено было составить по каждому приходу „проектъ обезпеченія" духовенства въ приходѣ. Но на лицевой сторонѣ этихъ проектовъ, обращенной къ начальству, подъ заглавіемъ „проэктъ", стройно красовались пункты и параграфы „обезпеченія духовенства въ NN приходѣ", а на оборотной сторонѣ, обращенной къ обезпечиваемому духовенству написано было и жалость и горе. И прежде всего эта тяггота проэктовъ обезпеченія обрушилась на причтовыя строенія, какъ наиболѣе подверженныя всякимъ случайностямъ. Съ одной стороны, и священники совсѣмъ иначе стали относиться къ причтовымъ строеніямъ: Это собственность прихода; о поддержаніи ихъ должны заботиться помѣщики и прихожане. Производить личныя затраты на поддержаніе причтовыхъ строеній священники справедливо считали для себя неудобнымъ и обременительнымъ. Съ другой стороны, участіе помѣ-

[1]) Точно также помѣщики и крестьяне должны были ежегодно ремонтировать причтовыя помѣщенія, а въ извѣстные періоды, по мѣрѣ надобности, производить и капитальныя починки и возобновленія.

щиковъ и крестьянъ въ поддержанiи причтовыхъ строенiй почти всегда ограничивалось лишь подписью на „проэктѣ“. Конечно, обязательство помѣщиковъ въ постройкѣ и поддержанiи причтовыхъ строенiй оставалось въ полной силѣ. Но развѣ не были тогда и священники и приходы въ полной зависимости отъ помѣщиковъ. Не захочетъ помѣщикъ дать матерьяла на постройку или исправленiе причтовыхъ строенiй, и священникъ ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать, ибо помѣщикъ всегда можетъ отдать ему, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Конечно, священникъ, на основанiи „правилъ обезпеченiя“, могъ завести съ помѣщикомъ „дѣло“ объ устройствѣ или исправленiи причтовыхъ помѣщенiй. Но чѣмъ бы ни кончилось это „дѣло“, хотя бы въ пользу прихода, несомнѣнно одно, что на дѣлѣ священникъ всегда проигрывалъ и за свою „продерзость“ жестоко всю жизнь иногда расплачивался. Наконецъ крестьяне, и безъ того обремененные тяжелой „панщиной“, тоже не охотно брались за исправленiе причтовыхъ построекъ. Съ трудомъ, бывало, староста „выгонялъ“ обмазать церковные дома. Въ результатѣ „проэктовъ“ выходило не обезпеченiе причтовъ постройками, а разоренiе причтовыхъ построекъ,—разоренiе и священниковъ. Жить священнику и хозяйчать нужно было гдѣ нибудь, обойтись безъ построекъ онъ не могъ. Отчаявшись въ пособiи и отъ помѣщика и отъ крестьянъ, священникъ, наконецъ, самъ на свой счетъ начинаетъ „латать“ постройки—исправлять ихъ, какъ тришкинъ кафтанъ: тамъ урветъ, туда приточитъ; покривилась постройка, столбикомъ подопретъ,—течетъ крыша, немного заложитъ заломкой,—стѣны вываливаются, немного привалитъ навозомъ—и такъ изо-дня въ день. А когда уже никакiя исправленiя не помогаютъ, священникъ думаетъ: „что-жъ, буду проситься на другой приходъ; благо, есть уважительная причина: постройки, молъ, никуда не годятся“.

и подаетъ прошеніе за прошеніемъ, ожидая милостивой архипастырской резолюціи... Не добромъ сказалось обезпеченіе духовенства причтовыми постройками и для приходовъ. Священники, очутившись въ положеніи случайныхъ квартирантовъ, оказались хотя тѣмъ подобны птицамъ небеснымъ, что во всякое время могли свободно сняться и перенестись въ другой приходъ, чѣмъ они и не преминули пользов ться елико возможно.

Правила обезпеченія сельскихъ причтовъ 1842 года коснулись и другихъ статей обезпеченія духовенства, какъ будто умаляющихъ значеніе хозяйственныхъ причтовыхъ построекъ. Такъ, по этимъ правиламъ церковныя земли должны были обрабатывать крестьяне, или же вносить духовенству деньги на обработку.[1]) Отопленіе духовенству должны были давать помѣщики изъ своихъ лѣсовъ; а нѣкоторые обязались давать и прислугу и даровой (безъ мѣры) помолъ и проч. Но... все это было только написано на лицевой сторонѣ проэта. На оборотной же была все та же жалость и горе... Все, на что обязывался помѣщикъ по отношенію къ духовенству по проэкту, въ сущности была только «паньска ласка». Захочетъ—сдѣлаетъ; не захочетъ, ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Каждому священнику нужно было еще заслужить „паньску ласку". А паны въ то время, какъ извѣстно, были очень своенравны. Зазвонитъ священникъ въ церковь въ то время, когда у пана работа, или повѣнчаетъ безъ его согласья прихожанъ, надолго потерялъ „паньску ласку" и всѣ выгоды, отъ нея истекающія. А то бывали и такіе неожиданные сюрпризы священникамъ со стороны помѣщиковъ— и не особенно рѣдко: только что соберутся у пана рабочіе примѣрно на пророка Илью, а тутъ вдругъ зазвонятъ въ церкви,—

[1]) По г. Липовцу, согласно „проэкту", на обработку церковныхъ полей каждый пѣшій рабочій долженъ былъ платить 20 коп., а каждый „тяглый" 40 к

батюшка начинаетъ служеніе: значитъ праздникъ; „панщины“ не полагается; и рабочіе расходятся. Въ досадѣ панъ съ своими „сипаками“ съ поля прямо къ батюшкѣ на дворъ, и вмигъ разметаютъ его убогое жилье до основанія. Выходитъ священникъ изъ церкви—и о, ужасъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его домикъ, теперь только одинъ скелетъ, а матушку съ дѣтьми и пожитками приходится разыскивать по селу. Конечно, если священникъ захочетъ пожаловаться, наѣдетъ „засѣдатель“ и помѣщикъ согласно „проэкту“ долженъ будетъ возобновить разрушенный домъ: ему это ничего не стоитъ, а попа проучилъ—много отнялъ у него и его семьи и спокойствія и здоровья.

Что касается крестьянъ, то помощь ихъ священнику при обработкѣ полей почти повсемѣстно выродилась въ такъ называемыя „толоки“. Но своими толоками крестьяне не столько помогали, сколько мѣшали священнику въ его хозяйствѣ; ибо работа, какъ даровая, производилась крайне плохо, а водки выпивалась цѣлая прорва. Крестьяне и до сего дне очень охочи идти къ батюшкѣ „на толоку“, но священники уже почти вездѣ отклоняютъ отъ себя эту съ ихъ стороны медвѣжью услугу.

За 30 лѣтъ дѣйствія правилъ объ обезпеченіи духовенства 1842 года причтовыя постройки пришли въ полное разрушеніе. Старое старѣлось, новое не устроивалось; и если бы не польскій мятежъ 1863 года, то церковныя строенія, несомнѣнно, представляли бы изъ себя лишь груды развалинъ... Нѣтъ худа безъ добра. Польскій мятежъ въ свое время сослужилъ добрую службу духовенству Юго-Западнаго края. Когда мятежъ не удался, паны, чтобы сохранить свои „маентки“, всѣми мѣрами старались показать свою благонамѣренность, и сильно заискивали предъ священниками, отъ которыхъ часто зависѣла ихъ судьба. Много тогда устроено было панами причтовыхъ помѣщеній и даже церквей. Много даже

земельныхъ участковъ паны презентовали священникамъ, которые, впрочемъ, всѣ почти опять возвращены были помѣщикамъ при обезпеченіи духовенства мировыми посредниками.

Взамѣнъ правилъ 1842 года, съ освобожденіемъ крестьянъ отжившихъ свой вѣкъ, вступили въ дѣйствіе „Правила для обезпеченія земельнымъ надѣломъ и помѣщеніями причтовъ православныхъ сельскихъ приходовъ 9-ти западныхъ губерній, Высочайше утверденныя 11 апрѣля 1872 года". Правила эти ближайшую заботу объ устройствѣ причтовыхъ помѣщеній и земельномъ надѣлѣ для причтовъ возлагали на съѣздъ мировыхъ посредниковъ. Мировые посредники по этимъ правиламъ должны были посѣтить каждый приходъ, составить въ немъ акты о земельномъ надѣлѣ и о постройкахъ въ немъ за подписью помѣщиковъ, причта и представителей отъ прихожанъ, и затѣмъ эти акты приводились въ исполненіе. По правиламъ 1872 г. всѣ расходы по устройству причтовыхъ помѣщеній возлагались на владѣльцевъ имѣній. Крестьяне обязывались только срубить и вывезти лѣсъ и другіе матерьялы на постройку. Правила эти, не смотря на всю дышащую въ нихъ благожелательность къ духовенству, не послужили, однако же, нашимъ родителямъ на пользу. Виною этому все тотъ же злополучный листикъ бумажки, который при этихъ правилахъ называется уже не „проэктомъ", а „актомъ": на оборотной сторонѣ акта, обращенной къ сельскому духовенству, писалась все та же жалость и горе... Прежде всего, по правиламъ 1872 года устройство мировыми посредниками причтовыхъ помѣщеній представляется какъ актъ единичный: устроены постройки (или исправлены), составленъ объ этомъ актъ за надлежащими подписями, и за тѣмъ уже предполагается, что постройки обратятся въ гранитную гору, которая не подвижится во вѣкъ. О ежегодномъ ремонтѣ построекъ и капитальномъ въ извѣстные періоды въ правилахъ уже не

упоминается. И мировые посредники, разъ посѣтивши приходъ и составивши по нему соотвѣтственное „дѣлопроизводство“, навсегда уже исключали его изъ своихъ заботъ. На практикѣ, затѣмъ, въ этотъ живой строительный вопросъ мировымъ съѣздомъ введенъ былъ мертвый формализмъ. Составленъ актъ, что постойки причтовыя хороши. А если принять во вниманіе, что мировые посредники, какъ это и естественно, гораздо болѣе симпатизировали помѣщикамъ, чѣмъ священникамъ, и считали обязанность помѣщиковъ строить причтовыя помѣщенія повинностью по меньшей мѣрѣ обременительною для нихъ, то ясно станетъ, что акты очень часто мало соотвѣтствовали дѣйствительности,—и на сколько хороши были постройки по акту, на сколько худы онѣ были на дѣлѣ. Встрѣчались, конечно, случаи и добросовѣстнаго исполненія мировыми посредниками причтовыхъ помѣщеній и даже роскошнаго, но какъ рѣдкое исключеніе. Конечно, согласно ст. 30 Правилъ 1872 года, священникамъ дано право въ извѣстный срокъ жаловаться на дѣйствія мирового съѣзда. Нѣкоторые, жаловались; но что же изъ этого выходило? Начиналось „дѣло“, которое тянулось по разнымъ инстанціямъ, и устройство и исправленіе причтовыхъ построекъ отсрочивалось на неопредѣленное время, а часто и навсегда,—и все таки акты мирового съѣзда въ концѣ концовъ утверждались. [1]) Поэтому всякій священникъ разсчитывалъ по пословицѣ: лучше синица въ рукахъ, чѣмъ соколъ въ небѣ, и радъ былъ всякому даянію отъ мирового съѣзда. Теперь, когда забота мировыхъ посредниковъ объ обезпеченіи духовенства помѣщеніями отошла въ область исторіи, священники, на себѣ испытавшіе эту заботу, благодушно разсказываютъ много

---

[1]) Такъ, вслѣдствіе несогласій между съѣздомъ и причтомъ при составленіи акта о постройкахъ въ г. Липовцѣ, дѣло объ этихъ постройкахъ тянулось 10 лѣтъ и неоконченнымъ передано въ консисторію, гдѣ оставлено безъ послѣдствій.

трагикомическихъ инцидентовъ изъ этого недавняго прошлаго. Иные мировые посредники, все дѣлавшіе «на законномъ основаніи", осматривая домъ и постройки причтовыя, хотя хорошо видѣли что онѣ никуда не годятся, но, на основаніи ст. 22 правилъ 1872 г., вызывали къ себѣ почетнѣйшихъ прихожанъ, находящихся при осмотрѣ, и спрашивали ихъ: „что, братцы, хороши постройки у вашего батюшки?" Крестьяне, не освѣдомленные въ разныхъ статьяхъ правилъ 1872 г. и думая, что устройство новыхъ причтовыхъ помѣщеній падетъ на ихъ голову, отвѣчали обыкновеннно: „ничего, еще могутъ постоять". И составляется актъ о годности построекъ при незначительныхъ исправленіяхъ. Иной посредникъ, пріѣхавъ къ священнику для осмотра построекъ, хотя видитъ почти развалины, но настолько изысканно любезенъ къ батюшкѣ, что все безъ разбору хвалитъ: „Какія у васъ, батюшка, постройки хорошія, такъ цѣлесообразно устроены! Видно, вы хорошій хозяинъ", приговариваетъ онъ, осматривая постройки. Войдя въ покосившійся дряхлый домъ, онъ не налюбуется имъ: „какой у васъ, батюшка, домикъ уютный, какъ хорошо расположены комнаты"! И только ударившись гдѣ либо лбомъ о дверной косякъ, скажетъ: „О, тутъ нужно немного поднять". И составляется актъ о пригодности построекъ при нѣкоторомъ пустомъ ремонтѣ. Священникъ, скрѣпя сердце, подписываеѣъ актъ. Нужно же за любезность отвѣтить любезностью!...

Такимъ образомъ, если при дѣйствіи правилъ объ обезпеченіи духовенства помѣщеніями 1842 года, священники могли еще питаться надеждою на „паньску ласку" „паньскій гоноръ" и проч., то, при дѣйствіи правилъ 1872 года, положеніе священниковъ относительно построекъ было безнадежно, ибо здѣсь уже дѣйствовали не ласка и гоноръ, а ничѣмъ неумолямыя статьи и примѣчанія и разъясненія. Ко всему этому мировые посредники съ чрезвычайной медлительностью

осматривали и устраивали причтовыя помѣщенія. Съ 1872 года по 1889 г. мировые посредники не успѣли принять и половины причтовыхъ построекъ, а устроили новыхъ помѣщеній не болѣе, какъ по 20-ти въ каждомъ уѣздѣ.

А между тѣмъ съ 70-хъ годовъ въ потребностяхъ и внѣшней жизненной обстановкѣ сельскихъ священниковъ совершилось немаловáжное осложненіе. Въ началѣ 60-хъ годовъ духовенствомъ Кіевской епархіи устроено было женское духовное училище, а въ концѣ 60-хъ годовъ появились образованныя матушки... А извѣстно, что всякое женское образованіе, даже и духовное, несравненно болѣе прихотливо на счетъ внѣшней жизненной обстановки, чѣмъ мужское. Съ чѣмъ изъ своихъ невзгодъ могъ еще свыкнуться образованный батюшка, съ тѣмъ никакъ не могла примириться образованная матушка. Пріѣдетъ образованная матушка на новый приходъ, и тотчасъ начинаетъ подвергать свое убогое жилье самой безпощадной критикѣ, и требуетъ, чтобы все оно было передѣлано по ея вкусу: чтобы и двери и окна были приличные и замки въ дверяхъ изящные, чтобы стѣны были обоями выклеены, чтобы въ домѣ непремѣнно устроена была просторная зала,—однимъ словомъ, чтобы все было, какъ у людей [1]). Ждетъ-пождетъ батюшка мирового съѣзда, чтобы всѣ эти претензіи своей матушки заключить въ актъ и, не дождавшись, начинаетъ, наконецъ, самъ, по указанію матушки производить на свой счетъ разныя реформы въ церковномъ домѣ. Выброситъ старыя двери и окна и приставитъ свои, приличныя, оклеитъ комнаты обоями, выброситъ одну изъ внутреннихъ перегородокъ и соединитъ двѣ комнаты въ одну, чтобы вышла зала и проч. Хотя въ этой залѣ зимою, какъ говорится, хоть собакъ гони, а за обоями образуются цѣлыя полчища разныхъ паразитовъ, но все таки по виду выходитъ

[1]) Обидно для матушекъ! *Ред.*

„какъ у людей“. „Поживемъ, побѣдуемъ годикъ одинъ-другой, утѣшаютъ себя батюшки и матушки, а тамъ будемъ подаваться на приходы съ лучшимъ помѣщеніемъ и условіями жизни; авось куда-нибудь перейдемъ“. Переѣзжая же на новый приходъ, священникъ, конечно, все свое забираетъ, а что нельзя взять, то такъ портится, что преемникъ не можетъ пользоваться. А что по своему недосмотру или великодушію и оставляетъ выѣзжающій священникъ удобоносимое въ церковномъ домѣ и постройкахъ, то расхищаютъ крестьяне въ промежутокъ времени между выѣздомъ одного и пріѣздомъ другого священника. Однимъ словомъ, новому священнику, пріѣхавшему въ подобный приходъ, при обозрѣніи причтовыхъ построекъ, оставалось только приходить въ отчаяніе.

(Окончаніе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

50-лѣтній юбилей священника села Малинокъ, Бердичевскаго уѣзда, о. Николая Подвысоцкаго.

27 декабря прошлаго года духовенство 5 округа благочинія, Бердичевскаго уѣзда, праздновало, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, 50-лѣтіе служебной дѣятельности своего окружнаго духовника, священника села Малинокъ, Николая Θеодоровича Подвысоцкаго, рукоположеннаго 7 декабря 1848 года во священника къ Вознесенской церкви, с. Станиславки, того же уѣзда, приснопамятнымъ святителемъ Филаретомъ, митрополитомъ кіевскимъ. Божественную литургію и по оной благодарственный молебенъ совершалъ самъ юбиляръ, при участіи 12 священниковъ и діакона. Во время причастна свя-

щенникъ с. Ордынецъ Евстафій Святенко произнесъ слѣдующее поученіе.

Боголюбивые прихожане святаго храма сего! Собрались мы нынѣ во св. храмъ вашъ для того, чтобы едиными устами и единымъ сердцемъ вознести благодарственную молитву Верховному Промыслителю за вашего настоятеля и общаго нашего духовника, котораго Господь удостоилъ безпорочно и благочестно совершить 50-лѣтній періодъ пастырскаго служенія, и вмѣстѣ съ симъ выразить ему нашъ братскій сердечный привѣтъ, какъ съ 50-лѣтіемъ его священства, такъ и съ 50 лѣтнею примѣрно-согласною и мирною супружескою жизнію. Св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефесянамъ говоритъ: *единому же комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова* (Ефес. 4, 7), т. е., каждому человѣку Господь даруетъ такой или иной родъ службы на пользу церкви, обществу и государству. Вашему достопочтенному пастырю Господь опредѣлилъ нести многоотвѣтственное служеніе священства, и онъ, благодареніе Всевышнему, потрудился въ семъ званіи полвѣка, а въ этомъ св. храмѣ 45 лѣтъ,—и въ этотъ продолжительный періодъ времени его службы, который для большинства людей составляетъ цѣлый возрастъ жизни, сколько поколѣній возродилъ онъ къ жизни духовной, сколько ихъ возрасло и воспиталось въ благочестивой вѣрѣ, въ преданности св. церкви и отечеству подъ его молитвеннымъ благословеніемъ и мудрымъ наученіемъ; а сколько понесено имъ труда и заботъ о благоустройствѣ и благолѣпіи св. храма сего! Въ совокупности все это составляетъ немаловажную заслугу вашего пастыря предъ Богомъ и людьми, за которую ему нынѣ мы и приглашаемъ васъ *воздать сугубую честь*, какъ достойному дѣлателю въ вертоградѣ Христовомъ. Но насколько пастырское служеніе высоко и многоцѣнно предъ Богомъ, на столько оно трудно и многоболѣзненно для насъ, призванныхъ благода-

тіею Божіею къ прохожденію онаго, потому что, на каждомъ шагу своей службы, ревностный пастырь встрѣчаетъ всевозможныя преткновенія, соблазны, огорченія, непріятности и преслѣдованія. Недаромъ сказалъ св. Апостолъ: *хотящіи благочестно жити гонимы бываютъ*; малѣйшая небрежность или уклоненіе въ точномъ исполненіи пастырскихъ обязанносте влекутъ за собою не только отвѣтственность предъ Богомъ, но и строгое порицаніе отъ людей. Случается иногда большинству изъ насъ и въ не многіе годы своего служенія встрѣчать на жизненномъ пути такія лишенія, огорченія и служебныя непріятности, которыя часто становятся не подъ силу намъ и заставляютъ падать на полъ пути подъ своею тяжестью. И въ жизни вашего достойнаго пастыря было не мало всякихъ огорченій и семейныхъ и служебныхъ; но, благодареніе Богу, надѣлившему его высокими душевными качествами, онъ непреткновенно прошелъ свое полувѣковое пастырское служеніе съ мудрою осмотрительностію и рѣдкимъ благодушіемъ, за что и стяжалъ себѣ глубокое уваженіе и любовь какъ среди васъ, такъ и отъ своихъ собратій—сослуживцевъ. Соединимъ же, братія и чада, наши сердца и уста во едино для того, чтобы вознесть нашу общую благодарственную молитву Господу Богу нашему, даровавшему достойному священнослужителю Своему, всечестному отцу Николаю, благочестно пройти 50-лѣтнее поприще доброй христіанской жизни, честной и безукоризненной священнической службы и примѣрнаго супружества, и будемъ усердно молить Его благость, да продлитъ Онъ, Милосердый податель жизни, прочее время живота нашего глубокоуважаемаго юбиляра о. Николая, въ мирѣ, благоденствіи и добромъ жительствѣ, *дондеже вселится въ домъ Господенъ въ долготу дній вѣчныхъ*. (Пс. 22).

По окончаніи Божественной Литургіи, старѣйшій изъ священниковъ, о. Лаврентій Бутовскій, вручая юбиляру даръ отъ окружнаго духовенства — икону преподобнаго Николая Новгородскаго Чудотворца, произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

Высокочтимый духовникъ нашъ О. Николай!

По благости Божіей, вы достигли нынѣ такого предѣла жизни и служебной дѣятельности, который, праздновать заповѣдано было Богомъ еще древнему Израилю, чрезъ пророка Моисея: *освятите пятидесятый годъ.... пятидесятый годъ да будетъ у васъ юбилей.... Священнымъ онъ да будетъ у васъ.* (Левит. 25, 10 и 11). Съ той поры обычай отмѣчать пятидесятилѣтіе въ жизни избраннаго народа Божія, а съ теченіемъ вѣковъ въ жизни другихъ народовъ и выдающихся народныхъ вождей и дѣятелей,—распространился по всему лицу земли. Слѣдуя сему и Богомъ и людьми освященному обычаю, съ одной стороны, и движимые чувствами любви и искренняго уваженія къ примѣрной — полувѣковой службѣ вашей—съ другой, мы, духовныя чада ваши и сослуживцы, испросили у нашего благостнаго Архипастыря, Святительское благословеніе освятить сей благознаменательный день служенія вашего св. церкви—молитвою и торжественнымъ чествованіемъ. И вотъ, представъ, вмѣстѣ съ вашею богохранимою паствою, предъ алтаремъ *всея твари Содѣтеля, Иже дни и нощи, времена и лѣта сотворивый.* (Конд. индикта 1 сент.), Коему вы послужили со страхомъ и трепетомъ полвѣка, мы вознесли свою благодарственную и теплую молитву за всѣ милости и благодѣянія Его, явленныя вамъ въ столь длинный періодъ вашей жизни. Изъ этой жизни можно-бы разсказать много для насъ поучительнаго, но, боясь смутить, въ столь торжественную минуту, присущую вамъ скромность, я воздерживаюсь отъ сего, а скажу со дерзнове-

ніемъ только одно, что *Господь любитъ праведники* (псал. 145, 8.), жизни коихъ вы ревновали подражать по мѣрѣ вашихъ силъ и дарованій, и *что мужіе кровей и лъсти*, отъ коихъ вы всегда уклонялись, *не преполовятъ дней своихъ* (Псал. 54, 24), чего по благости Божіей достигли нынѣ вы. Во свидѣтельство же нашего неизмѣннаго къ вамъ уваженія и сыновней любви, пріймите сей образъ соименнаго вамъ угодника Божія—Николая Новгородскаго, коего молитвами да укрѣпитъ Господь немощный сосудъ тѣла вашего и да умножитъ дни живота вашего въ долготу дней.

По окончаніи молебна, одинъ изъ земляковъ юбиляра, свящ. м. Ружина В. Радецкій, поднесь о. Николаю Θеодоровичу икону св. Николая въ сребропозлащенной ризѣ и привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью: Незабвенный и глубокоуважаемый землякъ мой, о. Николай! Во дни оны, св. ап. Павелъ, обращался къ Солунской церкви съ такою просьбою: *молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господъ, и наказующихъ вы, и имъйте ихъ по преизлиха въ любви за дъло ихъ, и молитесь о нихъ* (1 Солун. 5, 12 и 25). Изъ этихъ словъ явствуетъ, что и во время св. апостоловъ дѣло пастырства и учительства *о Господъ* далеко не было дѣломъ легкимъ, если они, избранные непосредственно самимъ Словомъ Отчимъ и споспѣшествуемые благодатію св. Духа, находили благопотребнымъ обращаться къ чадамъ своимъ по вѣрѣ съ просьбою: *молиться за нихъ и имъть по преизлиха въ любви за дъло ихъ*. А что дѣйствительно апостольство и учительство, въ тѣ лютыя времена гоненій отъ язычниковъ, было дѣломъ, не только многотруднымъ, но и соединеннымъ съ опасностію даже для жизни, подтверждается тѣмъ, что св. апостолы, претерпѣвая постоянныя бѣдствія и лишенія *за дъло свое*, въ концѣ концовъ запечатлѣли оное мученическою кончиною, о которой

тотъ же св. Апостолъ такъ свидѣтельствуетъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ: *друзіи же ругані емъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею; каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени.* (Евр. 11, 36. и 37). Что же воодушевляло и подкрѣпляло свв. проповѣдниковъ въ столь трудномъ дѣлѣ пастырства и учительства? Очевидно, не личныя выгоды, не мірскіе разсчеты, а крѣпкая *вѣра въ Начальника и Совершителя вѣры Іисуса, Который, вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпе крестъ, пренебрегши посрамленіе* (Евр. 12, 2.),—затѣмъ *любовь къ приснымъ и отъ присныхъ по вѣрѣ за дѣло свое* и наконецъ—*надежда спасенія* (Солун. 5, 8). И ты, досточтимый юбиляръ, отъ первыхъ дней твоего священства давши обѣтъ руководиться въ своей жизни сими высокими идеалами апостольскаго служенія вѣрѣ, надеждѣ и любви, а не личными расчетами и житейскими выгодами, никогда не обращалъ лишняго вниманія ни на слабость физическихъ силъ, ни на скудость средствъ, получаемыхъ отъ бѣднаго населенія своего маленькаго прихода, ни на нужды по содержанію и воспитанію своей многочисленной семьи, ни на скорби и огорченія, постигавшія тебя на длинномъ жизненномъ пути,—и никогда не дозволялъ себѣ измѣнить идеалу пастырства и учительства *о Господѣ*, которое вообще, для ревнующихъ жить по Богѣ пастырей, и нынѣ не легче, если не тяжелѣе, чѣмъ во времена апостольскія, не смотря на то, что съ той поры протекло почти 19 вѣковъ, миновали позорныя времена гоненій и мученій за вѣру, измѣнились и облагородились нравы людей и практикуется широкая религіозная вѣротерпимость. Нынѣ пастырь долженъ первый встать на молитву и быть ежедневно готовымъ къ причащенію Св. животворящихъ, но и страшныхъ Христовыхъ Таинъ; все время дня и ночи жди требы и не промедли ни минуты;—

умѣй съ плачущими искренно поплакать и чтобы ни тѣни этой печали не оставалось на лицѣ твоемъ, если сейчасъ же тебѣ нужно, по долгу службы, радоваться съ радующимися; умѣй слабаго поддержать, невѣдущаго научить, за обиженнаго и беззащитнаго постоять, больного полѣчить, малодушнаго утѣшить, гордому и забывшемуся, а это самое трудное, сказать слово правды. Говорить ли о тѣхъ пересудахъ и насмѣшкахъ, которыми въ настоящее время язвятъ не только пастырей, но и архипастырей, и притомъ, какъ бы по выбору, самыхъ лучшихъ и достойнѣйшихъ. И при этихъ, иногда кровныхъ, обидахъ—никому не жалуйся. Смиряйся, терпи, молись—вотъ твое оружіе! Да, если кто изъ пастырей, по милости Божіей, такое поприще пройдетъ безупречно, тотъ по истинѣ достоинъ не только *мзды своея*, но и того, чтобы *имѣть его по преизлиха въ любви за дѣло его и молиться за него* (1 Сол. 5, 12 и 25). Ты, всечестный О. Николай, достигъ нынѣ 50-лѣтія твоего священства и учительства *о Господѣ* и прошелъ оное мирно, люботрудно и безпорочно,—на что имѣешь вещественное свидѣтельство не только отъ своихъ сослуживцевъ, но и отъ своихъ прихожанъ, кои видѣли каждый твой шагъ, кои, въ теченіе полувѣка, принимали наставленія отъ твоихъ—и словъ и служенія и жизни, а потому достойно и праведно пріими отъ насъ и пламенную молитву за тебя къ Богу и сердечный привѣтъ съ всерадостнымъ событіемъ въ твоей священнической и супружеской жизни, а отъ меня, своего земляка, и сей образъ св. Хр. Николая, какъ выраженіе моей, *по преизлиха къ тебѣ любви за дѣло твое*, и какъ священный даръ на память, съ искреннимъ пожеланіемъ: провесть тебѣ и прочее время живота твоего, съ глубокоуважаемою супругою твоею Маріею Макаріевною, безболѣзненно, непостыдно, мирно и удостоиться *внити въ радость Господа своего*!

По выходѣ изъ храма, юбиляры-супруги были встрѣчены прихожанами, которые поднесли имъ хлѣбъ-соль и икону святыхъ Николая Новгородскаго и Маріи Египетской, въ изящномъ дубовомъ кіотѣ. Поцѣловавши хлѣбъ и св. икону, о. Николай, со слезами на глазахъ, благодарилъ прихожанъ, за ихъ всегдашнее теплое и участливое отношеніе къ нему, за ихъ любовь и усердіе ко храму Божію, за ихъ твердое и неуклонное пребываніе въ православной вѣрѣ и исполненіе благочестивыхъ обычаевъ своихъ предковъ, коимъ да будетъ вѣчнаяп амять,—„а вамъ да даруетъ Господь во всемъ добромъ Свое благословеніе и многая лѣта" заключилъ о. Николай,—при чемъ пѣвчіе пропѣли вѣчную память и многая лѣта. По приходѣ домой, почтенные юбиляры-родители были встрѣчены своими дѣтьми, поднесшими имъ хлѣбъ-соль, со слезами радости, а затѣмъ родными и знакомыми, привѣтствовавшими радушныхъ хозяевъ—патріарховъ съ рѣдкимъ семейнымъ праздникомъ. Совершивъ затрапезную молитву и усадивъ за столъ дорогихъ гостей, патріархъ — юбиляръ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: Безвозвратно и незамѣтно, какъ сонъ возстающаго, промчались весна, лѣто и осень жизни моей и настала грозная зима—старость; но какъ не всегда зима бываетъ сурова и снѣжна, такъ не всегда и старость бываетъ болѣзненна и безотрадна; какъ зимой случаются дни ясные и теплые, такъ и въ старости иногда немощь смѣняется бодростію, уныніе—восторгомъ, печаль—радостью. Эту перемѣну испытываю я въ настоящій знаменательный день моей старости. На долгомъ вѣку своемъ я многое испыталъ,—не мало ударовъ судьбы и огорченій перенесъ и, при своемъ малодушіи, никогда не надѣялся дожить до сего счастливаго дня и видѣть васъ собравшихся здѣсь во едино для привѣтствія меня съ юбилеемъ и для выраженія мнѣ братскихъ чувствъ любви, пріязни и благопожеланій. Воздавъ Господу хвалу и благодареніе за столь великую Его милость ко мнѣ недостойному, я отъ всей

души благодарю васъ, дорогіе мои сродники и знаемые, за то искреннее участіе въ моей сегоднешней радости, за ту любовь и признательность, кои вы оказали мнѣ. Сколько бы ни прожилъ я еще, всегда буду вспоминать о васъ съ восторгомъ и радостію; день этотъ, какъ маякъ на морѣ, будетъ освѣщать дальнѣйшій путь моей жизни, если Господу угодно будетъ таковую продлить. Св. образъ, многоцѣнный даръ любви вашей, передамъ потомству моему, да вѣдаетъ оно, какъ отзывчивы и любезны были добрые сослуживцы къ старѣйшему собрату своему. За симъ позвольте мнѣ поднять бокалъ за здравіе всѣхъ васъ и за скрѣпленіе нашихъ братскихъ отношеній! Всѣ присутствующіе пропѣли трижды многолѣтіе и подняли второй бокалъ за здоровье юбиляра и его добрѣйшей супруги, коимъ тоже пропѣли троекратно многолѣтіе. По окончаніи трапезы, однимъ изъ близкихъ родныхъ юбиляра были прочитаны поздравительныя письма и телеграммы, полученныя отъ разныхъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ, а также и отъ родныхъ, не могшихъ прибыть лично па торжество о. Николая; чтеніе окончилось слѣдующею рѣчью, сказанною священникомъ с. Бѣлашекъ о. М. Словачевскимъ: *помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ и поучахся.* (Псал. 76, 6): такъ нѣкогда сказалъ многоопытный царь и пророкъ Божій Давидъ. Онъ у времени бралъ уроки и у него многому научился. Чему же учитъ время—этотъ отвлеченный въ сущности предметъ нашего мышленія и нашего бытія: ибо мы только и мыслимъ, только и постигаемъ нѣчто въ пространствѣ или во времени. Но и то и другое для нашей ограниченности слишкомъ растяжимо. По необходимости приходится обращаться къ тѣмъ, кто больше видѣлъ предметнаго бытія въ пространствѣ и наблюдалъ жизнь съ ея извилинами во времени. Не могу опредѣлительно утверждать, какая область болѣе цѣлесообразна,—кажется время, хотя она и болѣе отвлеченна. Въ настоящемъ случаѣ остановимся на-

шимъ размышленіемъ на времени. Скажите намъ, высокоуважаемый юбиляръ, о. Николай Θеодоровичъ, проплывшій уже далеко пучину житейскаго моря и употребившій на это плаваніе дѣйствительной, самобытной, самочувственной, разумной семейной и священнослужебной жизни и дѣятельности ровно полвѣка, скажите намъ—чему учитъ время? такъ какъ, надо правду сказать, для насъ слабыхъ слишкомъ дерновенно и неудобопріемлемо обращаться *къ днямъ первымъ и лѣтамъ вѣчнымъ*,—не много-ли будетъ? Несомнѣнно, что достаточнымъ урокомъ для насъ будетъ и краткій очеркъ полувѣковой жизни и службы сельскаго священника, достоподражательный образецъ коего вы представляете намъ, собравшимся сюда сколько по долгу нашего уваженія къ вамъ, какъ окружному духовнику нашему, столько же и по вашему сердечному приглашенію—единодушно, вкупѣ поблагодарить Бога, исполнившаго васъ и въ священствѣ и въ супружествѣ долготою дней и возможною по нашему положенію, славою и честію. Какая ненаглядная картина нашего собранія въ домѣ вашемъ сегодня! Такъ и видится: *се призва Іаковъ сыны своя и рече имъ: соберитеся, да возвѣщу вамъ... Соберитеся и послушайте мене, сынове Іаковли, послушайте Израиля, послушайте отца вашего.* (Быт. 49 1, 2). Да, мы увѣрены, есть что послушать отъ васъ, есть чему и поучиться у васъ, высокочтимый патріархъ нашъ, о. Николай! Одни личные примѣры и наблюденія опыта вашего, въ столь длинный періодъ жизни, составили бы интересную библіотеку для каждаго изъ насъ; а все то, что вы прочли, и изъ книгъ извлекли для памяти, было бы ея достойнымъ дополненіемъ и украшеніемъ,—такъ какъ вы, по любознательности своей, читали много и при томъ читали съ выборомъ и разсужденіемъ, а не зря. Но вы скажете: *недостанетъ ми времени повѣствующу*,—ars longa, vita brevis... Должны согласиться съ вами уже по той простой причинѣ, что каждая часть, каждая глава, каждая строка вашей опыт-

ной—житейской мудрости, должна быть включена въ обязательный кругъ нашего знанія; а если бы вы и успѣли преподать намъ уроки вашей мудрости, то, не скрою правды, едва ли мы запомнимъ и усвоимъ ихъ себѣ. Въ крайнемъ случаѣ намъ остается поучиться у васъ терпѣнію и умѣнью жить съ людьми; а вы это знаете по долголѣтнему—многострадальному опыту жизни вашей, которую до нынѣ поддерживала и охраняла, какъ во священствѣ, такъ и въ супружествѣ вашемъ съ добродушною Маріею Макарьевною, рука Всевышняго, и знаніе это воплотили въ миролюбивомъ и кроткомъ обращеніи съ нами, вашими младшими собратьями, со своими прихожанами и съ разночинцами. Да хранитъ же васъ сія Десница Всевышняго и далѣе на многія лѣта Своею мышцею крѣпкою—вотъ послѣднее наше благожеланіе вамъ въ сей благознаменитый день праздника вашего!

Этимъ и завершилось скромное юбилейное торжество старѣйшаго изъ членовъ 5 округа благочинія, Бердичевскаго уѣзда, о. Н. Подвысоцкаго. Для почитателей его памяти не лишнимъ считаю присовокупить краткія біографическія и служебныя свѣдѣнія о немъ: родился о. Николай въ 1828 году въ с. Животовкѣ, Липовецкаго уѣзда, отъ священника Θеодора и Екатерины Подвысоцкихъ; въ 1837 г. поступилъ въ уманское духовное училище; въ 1842 г. въ Кіев. дух. Семинарію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1847 г. при ректорѣ оной архимандритѣ Антоніи; въ томъ же году опредѣленъ учителемъ въ Богуславское духовное училище; 7 декабря 1848 г. митрополитомъ Филаретомъ рукоположенъ во священника къ Вознесенской церкви с. Станиловки, Бердичевскаго уѣзда, но какъ, по тогдашнему обычаю, приходъ этотъ предоставленъ былъ за сиротою Ев. Фащевскою, на которой женился П. Инфимовскій, нынѣ священствующій въ приходѣ, то о. Николай былъ перемѣщенъ въ 1849 г. въ с. Сахновку, Каневскаго у., откуда по прошенію переведенъ въ 1855 г. на настоящее мѣсто; въ

1856 г. за отличныя дѣйствія во время бывшаго въ томъ году волненія крестьянъ, награжденъ набедренникомъ; въ 1869 году—скуфьей; въ 1876 г.—камилавкой; въ 1894 г.—наперснымъ крестомъ; въ 1891 г. преподано ему благословеніе Св. Синода съ выдачею установленной грамоты; имѣетъ бронзовый крестъ и медаль въ память войны 1853—56 г. и серебряную медаль на Александровской лентѣ въ память царствованія Императора Александра III; съ 1881 г. и по настоящее время проходитъ должность окружнаго духовника, а съ 1889 и по 1897 г. проходилъ должность окружнаго миссіонера; съ настоящаго же времени, по статуту, имѣетъ право на полученіе ордена св. Владиміра 4 ст., за 50-лѣтнюю безпорочную службу.

Свящ. *В. Радецкій.*

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій*

Отъ Кіевск. духовн. цензурн. Комитета печат. дозв. 9 сентября 1899 года
Цензоръ, проф. Акад. прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.